

УДК 811.161.1'42:32

КАТЕГОРИЯ АДРЕСАЦИИ В ПРОГРАММНЫХ РЕЧАХ ПОЛИТИКОВ

Бессонова Л. Е.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

В статье раскрывается семантико-прагматическое содержание категории адресации, описываются когнитивные механизмы порождения политического текста, направленного на адресата, выявляется репертуар языковых средств трехмерной оппозиции *свой/другой/чужой*.

Ключевые слова: адресация, политический текст, оппозиция, программная речь.

Постановка проблемы. В современной лингвистике в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы выделяется целый ряд перспективных направлений, одно из которых связано с изучением политического дискурса и его составляющих. Анализ политического дискурса позволяет выявить специфику политических текстов как основы политической коммуникации, установить ключевые понятия при категоризации политического мира с описанием их концептуального содержания, определить особенности когнитивных механизмов порождения текста и на основе этого описать текстовое пространство в трехмерном измерении. Данное исследование выполнено в рамках лингвистической дискурсологии – науки, изучающей как языковые средства репрезентации текстов (структурно-семантическая составляющая дискурса), так и процессы языкового сознания, влияющие на порождение и восприятие текстов (процессуальная составляющая дискурса).

Несмотря на многоаспектность изучения политического текста с позиции текстообразования многие проблемы не получили своего окончательного решения в научных трудах последнего десятилетия. Так, категория адресации как прагматический фактор построения семантического пространства политического текста рассматривалась лишь в рамках речевой структуры текста или жанровой типологии. С этим и связана **актуальность** предлагаемого исследования.

Политический дискурс является многомерным и сложным для исследования образованием, в рамках которого адресат – одно из главных действующих лиц в интерпретативном объяснении [4, с. 375]. Адресат, под которым часто подразумевается имплицитная аудитория, определяет структуру и содержание любого политического текста. Это связано с тем, что основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти, поэтому любой политический текст создается адресантом с целью воздействия на адресата, с учетом ценностных ориентиров, горизонта ожиданий и потенциальных реакций аудитории.

Статью Н. Д. Арутюновой 1981 года «Фактор адресата», поставившую проблему влияния различных «аспектов, амплуа или функций» адресата на

адресанта, можно считать программной для современной лингвистики. «Мы пользуемся термином “адресат”, – отмечает Н. Д. Арутюнова, – подчеркивая при этом сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с его характеристикой. Иными словами, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [1, с. 358]. Таким образом, фактор адресата характеризуется, прежде всего, его отношением к речевым актам, внутренней речи и тексту.

Цель данного исследования – описать способы репрезентации категории адресации и ее влияние на структуру и информативность политического текста.

Показательным с позиции функционально-прагматического потенциала является текстовый корпус инаугурационных и программных речей современных политиков. Инаугурационные и программные речи традиционно относят к монологическому институциональному дискурсу, однако монолог предполагает не только говорящего, но и адресата, что особенно очевидно в рамках политического дискурса. Специфика политического монолога состоит в том, что роль говорящего не переходит от одного лица к другому, поэтому многие исследователи рассматривают монолог как частный случай диалога, хотя понятие диалога связывают, прежде всего, с деятельностью говорения, а монолог – с его результатом. В литературоведении идее о диалогическом характере любого текста созвучна концепция полифонического романа М. М. Бахтина [2], согласно которой литературные произведения крупных жанров представляют собой диалоги между автором, литературными героями и читателем.

Необходимость дискурсивного исследования политических речей диктуется тенденциями развития политической коммуникации, а именно – сменой монологической коммуникативной парадигмы на устную диалогическую парадигму. Открытость в коммуникации предполагает диалогизацию общения, которая проявляется в расширении функций диалогической речи в структуре речевых действий, развитии новых видов и форм диалога, формировании системы языковых средств адресации, эксплицитно или имплицитно указывающих на адресата (обращения-имена, местоимения, глагольные формы 2-ого лица, междометия, адресные метатексты и др.). Дискурсивная парадигма обеспечивает такой характер научного поиска, который соотносится с одной из главных особенностей современной лингвистики – «стремлением уйти от атомарности и найти крупные ментальные структуры, детерминированные социально и коммуникативно» [8, с. 357]. Данный подход к изучению политической коммуникации особенно плодотворен, так как позволяет осмыслить «важную, сущностную сторону этой области функционирования языка – специфику осуществляемой в ней концептуализации мира, порождающей широкий спектр форм манипулятивного воздействия» [6, с. 21]. Все это обуславливает и выбор практического **материала**: исследование проводилось на материале текстов советского политического дискурса 1980-х годов, прежде всего, программных речей политических лидеров СССР и русскоязычного президентского дискурса последнего десятилетия.

Программная речь, как и инаугурационная, является прототипным, или первичным, жанром в полевой структуре политического дискурса, но если в базовой семиотической триаде пространства политического дискурса «интеграция-ориентация-агональность» инаугурационная речь относится к интеграции (оратор стремится к поиску и сплочению сторонников), то программная речь принадлежит жанровому полю «ориентация» (главная цель автора в таких жанрах – формулировка и разъяснение политической позиции).

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в разработке концепции, согласно которой жанры инаугурационной и программной речей противопоставлены в пространстве русскоязычного политического дискурса на основании обратно пропорционального соотношения информативной и фатической интенций. В работе впервые разработан комплексный семантико-прагматический анализ политических текстов, доказана зависимость между характером адресации, структурой и содержанием дискурса, исследовано влияние экстралингвистических факторов на функционирование идеологем, онимов, аббревиатур, местоименных форм и т.д.

В основе параметризации устного политического дискурса лежит традиционная в лингвистике трехмерная оппозиция *свои/другие/чужие*, которой и принадлежит базовая роль в моделировании смыслового, понятийного, прагматического пространства политического дискурса.

Как показал комплексный анализ программных речей политиков на основе семиотической оппозиции категорий *свои/другие/чужие*, вычленить образ адресата, являющийся функционально разноплановым, можно только с помощью пересекающихся, взаимодополняющих признаков, вербализованных в тексте на различных уровнях (прежде всего, на лексическом – на основе использования ключевых слов и метафор различной тематической и стилистической тональности). Это объясняется прагматическим смыслом категорий, например, категория *другие* противопоставлена категории *свои*, но лишена отрицательных коннотаций, характерных для категории *чужие*.

В результате исследования утверждается влияние адресации на уровень репрезентации политического института лидером, соотношение фатики и информативности, содержание онимов в текстах речей, соотносимость речей с типами речевых актов.

Так, семантико-прагматический анализ текста программной речи М. С. Горбачева (Доклад XXVII съезду КПСС 25 февраля 1986 года) показал неравное соотношение семантических полей *свои/другие/чужие* (соответственно 13,6 : 1,9 : 0,5).

По данным контент-анализа (приводится процентное соотношение лексических единиц в соответствующих семантических полях), центральными лексемами семантического поля *свои* являются: мы (партия) – 7,8 %, мы (народ) – 2,9 %, КПСС – 17,3 %, социализм – 4,1 %, коммунизм – 1,9 %, СССР – 4,9 %, могучая поддержка (об отношении народа к власти) – 4,6 %, общество – 5,1%, страна – 2,5 %, государство – 1,2 %, Родина – 2,4 %, Отечество – 0,7 %, народ – 4,6 %, рабочие – 1,5 %, трудящиеся – 1,5 %, массы – 1 %, Ленин, по-ленински – 2,7 %, Маркс – 0,2 %, Энгельс – 0,2 %. Периферийные лексемы семантического поля *свои*: великий (о Ленине) – 0,1%, революция – 0,1%, борьба – 0,1%, дело – 0,03%, авторы писем –

0,1%, одобрение (об отношении народа к власти) – 0,2%, ветераны – 0,7%, молодежь – 0,5 %, женщины – 0,5 %, сознательный (о народе) – 0,03%, честный (о народе) – 0,03%, патриотический (о народе) – 0,03% и др.

Семантическое поле *другие* включает в себя центральные лексемы *мир* – 19,6 %, *международный* – 10,7 %, *человек* – 8,9 %, *человечество* – 3,6 %, *друзья (братские страны СССР)* – 5,4 %, *Земля (планета)* – 5,3 %, *государства* – 2,8 %, *народы* – 3,6 %, *цивилизация* – 3,6 % и др. В периферийной зоне семантического поля *другие* находятся номинации, связанные с ценностными ориентирами: *изменившийся мир* – 7,1%, *уникальное общество* – 0,03% , *прогрессивная общественность* – 1,8 % и др.

Центральные лексемы семантического поля *чужие*: *буржуазия* – 11,1 %, *империализм* – 12,3 %, *правители капитала* – 16,7 %, *недостойные члены партии* – 10,1 %, *капитализм* – 5,6 %. Периферийные лексемы семантического поля *чужие*: *ядерный конфликт* – 33,3 %, *гонка вооружений* – 5,4 %, *политика гегемонизма* – 5,6 %.

На пересечении семантических полей *свои* и *другие* располагаются лексемы с ядерными компонентами ‘друг’, ‘товарищ’, называющие страны соцсистемы, «одобряющие» политику СССР: *Наших друзей за рубежом воодушевляют непоколебимое стремление СССР к прочным товарищеским отношениям и разностороннему сотрудничеству со всеми государствами мировой социалистической системы* [Горбачев 1986].

В программной речи М. С. Горбачева зона пересечения семантических полей *другие* и *чужие* представлена нечетко. К ней относятся лексемы, условно сочетающие контекстуально определяемые пейоративность и нейтральность: лексемы «ядерный», «вооружение», «изменившиеся условия» и т.д. На пересечении семантических полей *свои* и *чужие* находятся лексемы со значением ‘недостатки’, подвергаемые адресантом конструктивной критике и реализуемой в метафорических моделях (например, *формализм, бюрократизм, казенщина, застойное, консервативное, мешает продвижению* и др.): *Наша партия – здоровый организм, она [...] искореняет формализм, бюрократизм и казенщину, отсекает все застойное, консервативное, что мешает нашему продвижению вперед, освобождаясь от тех, кто скомпрометировал себя плохой работой и недостойным поведением* [Горбачев 1986]. Отметим, что для политического дискурса 1980-х гг. характерна редукция силы и многообразия идеологических внушений, которая является причиной резкого сокращения общего объема и уменьшения номинативной плотности семантического поля *чужие*. Приглушение пейоративных и мелиоративных коннотаций приводит к потере тоталитарной четкости зон пересечения семантических полей. Тем не менее, как показывает контекстологический анализ текста, для языка институционального общения начала 1980-х гг. в значительной степени характерны советизмы, речевые штампы и канцеляризмы.

Одним из этапов семантико-прагматического анализа является выявление ключевых идеологем и определение их функционально-стилистических особенностей. Так, идеологема *империализм* – общеупотребительная и воспринимаемая адресатом по-разному, универсальная идеологема-понятие с отрицательным аксиологическим модусом, значение которой трактуется в словарях как «государственная политика, направленная на завоевание территорий, колоний, установление политического или экономического контроля над другими

государствами». В контексте реализуются коннотации идеологемы 'ответственный за начало гонки вооружений и возможной ядерной войны', 'виновник войн, фашизма, геноцида', 'агрессивный', 'авантюристический': *Гонка вооружений, развязанная империализмом [...]* [Горбачев 1986]. *Просвещенный XX век вошел в историю такими порождениями империализма, как самые кровопролитные войны разгул милитаризма и фашизма, геноцид, обездоленность миллионов* [Горбачев 1986]; *Агрессивные планы и возможности империализма развязать ядерную войну [...]* [Горбачев 1986]; *Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную / авантюристическую политику* [Горбачев 1986]; *Бесправные объекты империалистической политики* [Горбачев 1986]. Как показал контекстологический анализ, идеологема империализм в 1980-е гг. приходит на смену идеологеме колониализм (см. программные речи Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева) и является контекстуальным синонимом лексемы неоколониализм: *[...] и прочих атрибутов империалистической неоколониалистской политики* [Горбачев 1986]. Для текста характерно очевидное противопоставление идеологем империализм и социализм, в результате чего утверждается пафосная тональность текста с константами «авторитет СССР», «верность советским идеологическим принципам»: *В отличие от империализма, пытающегося силой остановить ход истории, вернуть былое, социализм по собственной воле никогда не связывал свое будущее с военными решениями международных проблем* [Горбачев 1986].

Интересной по своему семантико-прагматическому содержанию, на наш взгляд, является идеологема *человечество* – общеупотребительная идеологема-понятие со смешанным аксиологическим модусом, узуальное значение которой «люди, человеческий род, человеческое общество» [БАС т. 17, ст. 833]. В контексте идеологема обладает такими коннотативными приращениями, как 'зависит от политики СССР', 'цивилизованное, отрицающее империализм', 'цивилизованное, поддерживающее социализм': *Социализм – это реальная возможность, открытая всему человечеству, пример, устремленный в будущее* [Горбачев 1986]; *Наиболее важная с точки зрения судеб человечества группа противоречий связана с отношениями между государствами двух систем* [Горбачев 1986]. Активное использование данной идеологемы в тексте речи связано с тем, что речь М. С. Горбачева – программа перестройки всех сфер советского политического и общественного строя, а лучшей аргументацией целесообразности таких радикальных перемен является обоснование значимых для истории политических результатов.

С реализацией фактора адресации связано насыщение текста личными и притяжательными местоимениями. Однако притяжательное местоимение *мой*, например, в тексте данной речи не представлено, что связано с позиционированием партии (не личности) в качестве адресанта. Личное местоимение *я* встречается только в составе вводной конструкции «я бы сказал», использование которой, с одной стороны, обусловлено интерпретативностью жанра программной речи, с другой стороны, является показателем речевой избыточности: *Молодых людей 80-х годов отличают широкий кругозор, образованность, энергия. Они, я бы сказал, заряжены на действие* [Горбачев 1986]; *В нынешний тревожный век наша социальная и, я бы сказал, жизненная стратегия нацелена на то, чтобы люди берегли планету* [Горбачев 1986].

В тексте речи наиболее частотно *мы* инклюзивное с референтом «партия», реализующее интегративную и манипулятивную функции, выражающиеся в прагматической пресуппозиции, интенции говорящего: *Так, и только так мы сможем выполнить завет великого Ленина [...]. Иной судьбы нам историей не дано. Но какая, товарищи, это прекрасная судьба* [Горбачев 1986]; *Мы уверенно смотрим в будущее, ибо опираемся на могучую поддержку народа* [Горбачев 1986]. При размытом образе коллективной автореференции местоимения *мы, наши* указывают на народ России в целом. Кроме того, интегративное *мы* «всеобщее» в тексте программной речи связано с осмыслением адресантом философских категорий «времени», «истории», «будущего»: *Таков мир, в котором мы живем в преддверии третьего тысячелетия* [Горбачев 1986]. Личные местоимения *я, вы* встречаются только в составе тавтологических вводных конструкций, что свидетельствует о факультативности местоименных форм и слабой диалогичности речи. Личное местоимение *вы* встречается в тексте два раза в составе вводной конструкции «как вы знаете» и реализует контактоустанавливающую интенцию автора: *Как вы знаете, мы предприняли серию односторонних шагов* [Горбачев 1986].

Интересным, на наш взгляд, является выявление роли онимов и аббревиатур в тексте политической речи. Так, в составе семантического поля *свои* представлены антропонимы (*Ленин, Маркс, Энгельс*), топонимы (*Алма-Атинская республика, Белоруссия, Грузия, Киргизия, Краснодар, Латвия, Омск, Свердловск, Узбекистан, Ульяновск, Челябинск, Чимкентская республика, Эстония*), аббревиатуры (*ВЦСПС, Госплан, Госнаб, колхоз, КПСС, Минтяжмаш, МПС, совхоз, СССР, ЦК, ЭВМ*). В составе семантического поля *другие* высокой степенью активности отмечаются топонимы (*Азия, Англия, Афганистан, Африка, Варшава, Восток, Западная Европа, Карибский бассейн, Китай, Латинская Америка, Франция, Япония*), но отсутствуют антропонимы и аббревиатуры. В составе семантического поля *чужие* в тексте речи представлено два топонима (*Вашингтон, Америка*), аббревиатура (*США*), отсутствуют антропонимы.

Насыщенность текста различными типами онимов свидетельствует об информативности, интертекстуальности, доказательности, конкретности суждений. Для тоталитарного дискурса конца 1980-х гг. характерна редукция категоричности и многообразия идеологических внушений, однако многочисленные аббревиатуры и сложносокращенные образования сохраняются в качестве глубинного фундамента тоталитарного языка.

Выводы. Итак, рассматриваемая речь М. С. Горбачева представляет собой программу перестройки советского политического и общественного строя, поэтому в тексте речи происходит переосмысление важнейших идеологем советского политического дискурса. В тексте речи очевидно использование традиционного для советского дискурса манипулятивного приема прагматической пресуппозиции, т.е. преподнесение спорного суждения как истинного. Объемность и высокая номинативная плотность семантического поля *свои*, средняя представленность семантического поля *другие*, низкая степень плотности и абстрактность семантического поля *чужие*, размытость зон полевого пересечения – классический пример макрополевой структуры демократического дискурса с внутригосударственным адресатом.

Комплексный анализ репрезентаций категории адресации приводит к размышлениям не только о способах категоризации политического мира, но и о степени восприятия событий этого мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского: [монография] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972.
3. Горбачев 1986: Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС / М. С. Горбачев // Избранные речи и статьи. – Т. 3. – М. : Политиздат, 1987. – С. 3-78.
4. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации: [учебное пособие]. – М. : Академический проект, 2008. – С. 374-393.
5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/Discourse_classification@VJa_2009.pdf. Проверено 10.09.11.
6. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия: [монография] / О. Л. Михалева. – М., 2009. – 256 с.
7. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 4-16.
8. Фрумкина Р. М. Фрагменты дисциплинарной панорамы. Лингвистика вчера и сегодня / Р. М. Фрумкина // НЛЮ. – 2001. – № 4. – С. 347-360.

Бессонова Л. Ю. **Категорія адресації в програмних промовах політиків** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Частина 2. – С.213-219.

У статті розкривається семантико-прагматичний зміст категорії адресації, описуються когнітивні механізми породження політичного тексту, направлено на адресата, а також виявляється репертуар мовних засобів тривимірної опозиції *свій/другий/чужий*.

Ключові слова: адресація, політичний текст, опозиція, програмна промова.

Bessonova L. **The category of addressing in the programme speeches of politicians** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V. 24 (63). – № 4. Part 2. – P.213-219.

The semantic-pragmatic content of the category of addressing is emphasized in the article, the cognitive mechanisms of origination of political text, which is referred to the recipient, is described, the repertoire of linguistic means of the three-dimensional opposition of own/other/another's is exposed.

Key words: addressing, political text, opposition, programme speech.

Поступила в редакцію 15.09.2011 г.